Калачевъ

о значеніи Карамзина

2007051027

О ЗНАЧЕНІИ КАРАМЗИНА ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Имя Карамзина не принадлежитъ къ числу именъ болѣе или менѣе извѣстныхъ у насъ юристовъ. Но исторія русскаго законодательства не можетъ пройдти молчаніемъ труды нашего перваго историка въ собственномъ значеніи этого слова, который въ числѣ общихъ историческихъ матеріаловъ указалъ и даже отчасти объяснилъ и многіе источники русскаго права, остававшіеся до него неизвѣстными; нашего перваго журналиста, заявлявшаго въ стихахъ и прозѣ о высокомъ значеніи законовъ и правосудія для государства; перваго не оффиціальнаго критика, смѣло обсуждавшаго государственныя реформы и законодательные проекты начала царствованія Александра I; наконецъ нашего единственнаго писателя, который, благодаря своему даровитому перу и знаніямъ и конечно еще болѣе своему благородному характеру, стоялъ такъ близко къ престолу, что по временамъ съ своимъ ходатайствомъ и политическими совѣтами непосредственно обращался къ государю, по временамъ же его редакціи поручались наиболѣе важныя государственныя бумаги. Изъ этихъ краткихъ указаній на значеніе Карамзина въ исторіи русскаго законодательства очевидно, что въ настоящій торжественный день и юристы могутъ считать себя въ правѣ сказать свое слово въ честь славнаго имени исторіографа.

Обращаясь къ первому отдѣлу дѣятельности Карамзина, мы невольно должны начать, чтобы отдать ему справедливость, съ сѣтованія, что у насъ нѣтъ до сихъ поръ со-

чиненія, которое обозрѣвало бы въ надлежащей полнотѣ, соотвѣтственно уже обнародованнымъ источникамъ, и съ достаточнымъ разъясненіемъ фактовъ, соотвѣтственно началамъ, выработаннымъ новѣйшею критикой, происхожденіе и постепенное развитіе какъ нашего права, такъ въ особенности памятниковъ законодательства разнаго времени въ ихъ взаимной связи и отношеніяхъ къ быту государственному и народному. Отдѣльныя спеціальныя монографіи, изъ коихъ многія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ одобренія, не могутъ замѣнить такого пробѣла. Этого мало: у насъ даже нѣтъ хорошаго сколько-нибудь полнаго собранія памятниковъ законодательства, имѣвшихъ силу до Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Вотъ почему, чтобы вникнуть въ послѣдовательное движеніе юридической жизни древней Россіи, мы должны доселѣ обращаться главнымъ образомъ къ сочиненіямъ по русской исторіи, изъ коихъ, несмотря на заслуги, оказанныя въ отношеніи къ ней нашими изслѣдователями со второй четверти нынѣшняго столѣтія и особенно въ послѣднее время, *Исторія Государства Россійскаго* все еще занимаетъ не только по таланту автора, но и по критическимъ его пріемамъ, самое видное мѣсто. Въ обильныхъ и часто обширныхъ примѣчаніяхъ къ этому труду, рядомъ съ обнародованіемъ впервые юридическихъ памятниковъ, разсѣяно столько удачныхъ указаній, столько объясненій какъ значенія ихъ вообще, такъ и отдѣльныхъ въ нихъ выраженій, что одно извлеченіе и сопоставленіе въ систематической связи находящихся здѣсь данныхъ доставитъ, по мнѣнію нашему, весьма полезный матеріалъ всѣмъ занимающимся русскимъ правомъ. Въ настоящемъ разсужденіи мы не можемъ взять на себя такой обязанности, но считаемъ долгомъ подтвердить справедливость нашихъ словъ по крайней мѣрѣ бѣглымъ указаніемъ на тѣ законодательные памятники, которые были впервые обнародованы Карамзинымъ, и отчасти на характеръ и значеніе сдѣланныхъ имъ объясненій ихъ содержанія.

Въ самомъ началѣ своей исторіи Карамзину предлежало разсмотрѣть три разряда совершенно разнородныхъ па-

мятниковъ законодательной дѣятельности нашихъ князей, именно договоры съ Греками, церковные уставы и Русскую Правду. Первые были уже до него не одинъ разъ изданы и объясняемы, и потому, признавая ихъ драгоцѣннѣйшими и древнѣйшими памятниками русской исторіи, онъ ограничился изложеніемъ въ ея текстѣ ихъ содержанія, а въ примѣчаніяхъ—объясненіемъ нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ выраженій и словъ. За то уставы о церковныхъ судахъ напечатаны имъ вполнѣ: Уставъ Св. Владиміра впервые по списку Синодальной Кормчей XIII вѣка, а уставъ Ярослава по собственному его списку XVI столѣтія. Оба эти устава, равно какъ и уставъ Галицкаго князя Льва, онъ признаетъ подложными и преимущественно съ этой точки разсматриваетъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, возбуждающія сомнѣніе филолога и историка. Новѣйшая критика представила довольно убѣдительные доводы въ опроверженіе этихъ сомнѣній: она доказала, что подновленіе текста уставовъ въ томъ видѣ, какой они могли имѣть первоначально, подъ вліяніемъ практическихъ потребностей, скорѣе говоритъ въ пользу ихъ повсемѣстнаго дѣйствія, чѣмъ опровергаетъ возможность изданія ихъ тѣми князьями, которымъ они приписываются; то же обстоятельство, что до насъ не дошли подлинники X и XI вѣковъ, самъ Карамзинъ не считаетъ препятствіемъ къ признанію достовѣрности другихъ памятниковъ. Но въ частности критика еще не исполнила свое дѣло въ отношеніи къ отдѣльнымъ возраженіямъ Карамзина: ей предстоитъ уяснить, насколько дошедшіе до насъ списки означенныхъ уставовъ отъ XIII до XVII столѣтія включительно дѣйствительно соотвѣтствуютъ каждый тому столѣтію, къ которому пріурочиваются ихъ подлинники, въ отношеніи языка, юридическаго быта и другихъ условій общественной и частной жизни, и наоборотъ, насколько они заключаютъ въ себѣ подновленій, вызванныхъ потребностями того или другаго столѣтія. Слѣдовательно въ примѣчаніяхъ къ исторіи Карамзина изслѣдователи этихъ уставовъ найдутъ еще пригодный матеріалъ для своихъ соображеній и выводовъ. Къ сожалѣнію, уставъ о церковныхъ судахъ князя Всеволода-

Гавріила былъ неизвѣстенъ Карамзину; по крайней мѣрѣ онъ о немъ вовсе не упоминаетъ. Что касается Русской Правды, то Карамзинъ первый познакомилъ насъ съ одной стороны съ древнѣйшими ея списками на основаніи Синодальной Кормчей XIII вѣка и харатейнаго сборника, принадлежавшаго графу Мусину-Пушкину, а съ другой стороны — съ особою пространною ея редакціей на основаніи собственнаго его списка, который я издалъ въ 1846 году подъ именемъ Карамзинскаго. Указаніе на эти списки составляетъ конечно заслугу; но она увеличивается, помѣщенными Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ объясненіями множества выраженій, встрѣчающихся въ разныхъ текстахъ Русской Правды. Эти объясненія имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что Карамзинъ, признавая Русскую Правду законодательствомъ Ярослава, счелъ необходимымъ особенно внимательно разсмотрѣть ее и съ этой цѣлію сличить съ иностранными современными ей законами и повѣрить сужденія о ней бывшихъ до него издателей этого памятника. Въ связи съ Русской Правдой онъ напечаталъ по Пушкинскому списку уставъ о мостахъ, который признаетъ также подлиннымъ, впрочемъ съ оговоркою, что онъ могъ быть изданъ и отцомъ Александра Невскаго.

Изложеніе періода удѣловъ дало поводъ Карамзину знакомить своихъ читателей съ грамотами, жалованными князьями монастырямъ, церквамъ и свѣтскимъ обществамъ, особенно въ предѣлахъ новгородскихъ, съ грамотами договорными съ одной стороны между самими князьями, а съ другой между ними и Новгородомъ, Смоленскомъ, Ригой и Ганзейскими городами, съ духовными завѣщаніями князей, съ судными грамотами Новгорода и Пскова, съ записью, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ, и наконецъ съ памятниками церковнаго права, въ томъ числѣ и съ ярлыками, данными ханами Золотой орды нашему духовенству. Всѣ эти памятники сообщались исторіографомъ частію вполнѣ, частію въ отрывкахъ на основаніи древнѣйшихъ рукописей. Чтобы судить о трудахъ его по розысканію, извлеченію и оцѣнкѣ означенныхъ документовъ, достаточно сказать, что въ то время, когда Карамзинъ писалъ первые

пять томовъ своей исторіи, т. е. до 1810 года, еще не было, за исключеніемъ *Древней Россійской Вивліоѳики* и исторіи князя Щербатова, ни одного изъ тѣхъ монументальныхъ изданій, въ которыхъ они въ послѣдствіи напечатаны; ибо 1-й томъ знаменитаго Румянцевскаго *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ* появился только въ 1813 году, изданія же Археографической Коммиссіи начались уже по его смерти. Правда, что выходъ въ свѣтъ первыхъ томовъ исторіи Карамзина лишь въ 1817 году далъ ему возможность ссылаться въ печати уже не на однѣ рукописи, а также на Румянцевское собраніе, на *Исторію россійской іерархіи* и другія изданія; но повторяемъ, что принадлежащая ему заслуга перваго открытія по крайней мѣрѣ многихъ юридическихъ памятниковъ отъ этого не уменьшается. Съ другой стороны, самыя рукописи, которыми пользовался Карамзинъ, частію не всѣ уцѣлѣли до нашего времени; частію же остаются еще нетронутыми издателями. Къ сожалѣнію, обиліе памятниковъ не дозволяетъ намъ разсмотрѣть въ подробности тѣ объясненія, которыя предложены въ отношеніи къ нимъ Карамзинымъ; скажемъ только, что уставъ великаго князя Святослава (первой половины XIV столѣтія) о церковной дани, въ которомъ сдѣлана ссылка на прежніе церковные уставы, онъ признаетъ уже подлиннымъ; но грамоту, данную великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ митрополиту Кипріяну о церковныхъ судахъ (1403 г.) считаетъ подложною на томъ основаніи, что въ ней уставы св. Владиміра и Ярослава подтверждаются въ своей силѣ. Явное противорѣчіе; но оно объясняется тѣмъ, что уставъ Святославовъ былъ найденъ Карамзинымъ въ Синодальной Кормчей XIII вѣка, грамота же Василія Дмитріевича въ лѣтописи XVI столѣтія. Замѣтимъ также, что несмотря на то, что въ настоящее время мы уже можемъ пользоваться почти всѣми памятниками, впервые напечатанными Карамзинымъ, на основаніи новыхъ исправныхъ изданій, для насъ удерживаютъ цѣну предложенные имъ въ текстѣ его исторіи переводъ или изложеніе ихъ содержанія, а въ примѣчаніяхъ сдѣланныя имъ и здѣсь объясненія множества вы-

раженій и словъ и въ томъ числѣ такихъ, которыхъ значеніе еще и теперь не вполнѣ опредѣлено историками и юристами.

Съ Іоанна III-го, когда начинаются наши дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, Карамзинъ предлагаетъ выписки изъ заключенныхъ съ ними договоровъ и о бывшихъ съ ними сношеніяхъ по рукописямъ Московскаго архива иностранной коллегіи — нынѣшняго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ VI-мъ и слѣдующихъ томахъ своей исторіи, онъ ссылается безпрерывно на дѣла цесарскія или австрійскія, польскія, лифляндскія, крымскія, турецкія, греческія, папскія и проч. Тому, кто имѣлъ случай обозрѣвать эту массу памятниковъ дипломатическихъ сношеній, завѣщанныхъ намъ нашими предками, изъ коихъ напечатанныя недавно сношенія съ однимъ лишь дворомъ до XVII вѣка наполняютъ семь большихъ томовъ, легко составить себѣ понятіе о томъ, сколько терпѣнія и любви къ своему труду долженъ былъ имѣть Карамзинъ, чтобы перечитать и усвоить себѣ всѣ эти дѣла. Но разсказъ о дипломатическихъ сношеніяхъ онъ велъ параллельно и въ связи съ описаніемъ внутреннихъ событій: эти послѣднія онъ черпалъ изъ груды другихъ рукописей, въ числѣ которыхъ вниманіе юристовъ обращаютъ на себя Судебники обоихъ Іоанновъ съ дополнительными къ нимъ статьями, Соборныя дѣянія и между ними Стоглавъ, книги Помѣстнаго Приказа, разметныя и сошнаго письма, множество грамотъ, чины на разныя поставленія, присяги, дѣла судебныя. Какой невѣдомый міръ минувшаго юридическаго быта долженъ былъ представляться современнымъ Карамзину читателямъ его Исторіи можно судить изъ того, что напр. съ писцовыми книгами мы стали знакомиться ближе только съ 50-хъ годовъ, когда начались ихъ изданія; что Стоглавъ напечатанъ у насъ вполнѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а книги Помѣстнаго Приказа, можно сказать, до сихъ поръ почти нетронуты.

Сообщивъ знаменитые указы объ укрѣпленіи крестьянъ и познакомивъ насъ впервые съ грамотою, данною во время междуцарствія чинами Московскаго Государства князю

Трубецкому, Заруцкому и Ляпунову на управленіе земскимъ дѣломъ, Карамзинъ умолкаетъ. Но мы не можемъ разстаться съ его исторіей не упомянувъ объ оставленномъ имъ завѣтѣ юристамъ, что они не должны думать, будто розысканіе новыхъ рукописей, въ виду огромнаго количества уже изданныхъ матеріаловъ, не можетъ быть и для нихъ полезно: въ одномъ изъ своихъ примѣчаній (т. III, ст. 222) Карамзинъ совершенно случайно упоминаетъ объ указѣ, разосланномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г. ко всѣмъ воеводамъ съ выписками изъ греческихъ законовъ Номоканона съ тѣмъ, чтобъ они судили по немъ дѣла уголовныя и обѣщается представить этотъ достапамятный указъ при изложеніи событій XVII в. Не смотря на то, что свидѣтельство Карамзина о бывшемъ у насъ примѣненіи греческихъ свѣтскихъ или такъ-называемыхъ градскихъ законовъ подтверждается соборными дѣяніями и другими актами времени Алексѣя Михайловича и ближайшихъ его преемниковъ, мы еще не успѣли найдти упоминаемый имъ указъ, такъ точно, какъ еще не розысканы и многіе другіе юридическіе акты, на которые есть прямыя ссылки въ лѣтописяхъ и другихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ.

Отъ Карамзина-изслѣдователя переходимъ къ поэту, журналисту и публицисту, чтобъ изложить его воззрѣнія на право и сужденія по поводу государственныхъ учрежденій, введенныхъ въ дѣйствіе въ началѣ XIX ст., а главнымъ образомъ законодательныхъ проектовъ, обсуждавшихся въ то время въ государственномъ совѣтѣ.

Мужъ чести и долга, Карамзинъ имѣлъ истинное понятіе о законахъ и правосудіи, и потому считалъ необходимымъ возвысить значеніе ихъ въ Россіи съ одной стороны примѣромъ уваженія къ нимъ самихъ Государей, а съ другой— изданіемъ уставовъ, чтобъ утвердить достоинство ихъ въ народѣ. Ревнитель монархическаго правленія и строгій консерваторъ, онъ однако съ жаромъ превозноситъ свободу подданнаго какъ человѣка, лишь бы она не выходила изъ предѣловъ точнаго подчиненія верховной власти, самою же прочною и твердою опорою этой власти признаетъ уваженіе и любовь къ Государю свободнаго народа. На этотъ

тонъ настроены имъ оды на восшествіе на престолъ и коронацію Императора Александра I. Обращаясь къ юному Монарху, какъ бы въ предчувствіи тѣхъ преобразованій, которыя онъ долженъ совершить своими уставами, Карамзинъ восклицаетъ:

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою царей согласна,
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ мудрый не боясь живетъ:
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.
Трудись! Давай уставы намъ,
И будешь Первый по дѣламъ.

Въ статьѣ „*О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи*“, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1803 года, Карамзинъ, разсуждая о значеніи указа 24-го января того же года относительно устройства училищъ, между прочимъ замѣчаетъ: „правосудіе есть душа государственнаго порядка: не говоря о томъ, что науки вообще благодѣтельны для морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество причиною неправосудія.“ Въ другихъ статьяхъ своихъ онъ неоднократно высказываетъ мысль, что лишь зная законы и слѣдуя имъ народъ можетъ быть счастливъ; а позже, въ *Запискѣ о древней и новой Россіи* выражаетъ эту мысль и въ отношеніи къ верховной власти, говоря, что уваженіемъ къ законамъ со стороны Государя болѣе всего утверждается его сила. Впрочемъ, послѣднія слова были только повтореніемъ словъ которыя Карамзинъ еще ранѣе привелъ въ своемъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II изъ знаменитаго Наказа (ст. 511) этой Императрицы: „самодержавство разрушается когда государи думаютъ, что имъ надобно изъявлять власть свою не слѣдованіемъ порядку вещей, а перемѣною онаго, и когда они собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ.“

Мы должны были указать на переданныя Карамзинымъ слова Великой Государыни и на обращеніе имъ подобныхъ же словъ къ Императору, по велѣнію котораго составлялись въ то время и разсматривались въ государственномъ совѣтѣ многочисленные проекты разныхъ законовъ, чтобъ объяснить встрѣчающіяся за тѣмъ въ запискѣ исторіографа возраженія на эти проэкты. Карамзинъ полагалъ, что Государь, не смотря на всю необходимость нѣкоторыхъ уставовъ, самъ болѣе всѣхъ обязанъ уважать прежніе законы и не долженъ спѣшить обнародованіемъ скороспѣлыхъ теорій. Въ этомъ отношеніи голосъ Карамзина былъ выраженіемъ не только его собственныхъ убѣжденій, но и мнѣнія значительной партіи, въ особенности многихъ тогдашнихъ вельможъ. Эта партія тѣмъ болѣе порицала нововведенія, что они совершались подъ вліяніемъ государственнаго секретаря, котораго, не взирая на его происхожденіе, приблизилъ къ себѣ императоръ, увлеченный его громаднымъ дарованіемъ, блестящими знаніями и умѣньемъ не только исполнять съ неимовѣрною быстротою, но и предугадывать желанія и помыслы Государя, направленные ко благу отечества. Мы говоримъ о знаменитомъ Сперанскомъ, и считаемъ неизлишнимъ напомнить здѣсь его значеніе, чтобы достойно оцѣнить мужество и гражданскую доблесть въ настоящемъ случаѣ Карамзина: записку свою онъ писалъ именно въ то время, когда государственный секретарь находился на верху своей силы, и чрезъ посредство великой княгини Екатерины Павловны представилъ ее Государю въ тѣ счастливые для него дни, когда впервые сдѣлался ему лично извѣстнымъ и заслужилъ его благоволеніе чтеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ своей исторіи. Въ послѣдствіи—именно въ 1819 и другихъ годахъ, когда Карамзинъ уже ближе стоялъ къ Императору — онъ столь же откровенно высказывалъ ему свои возраженія, и одно то, что Александръ до конца своей жизни не измѣнилъ своего благоволенія къ *такому* исторіографу, дѣлаетъ, безъ сомнѣнія, величайшую честь его сердцу. Но съ своей стороны и Карамзинъ умѣлъ быть справедливымъ: когда, по кончинѣ уже Александра I, Императоръ Николай Павловичъ пору-

чилъ Сперанскому составить Сводъ Законовъ, на основаніи узаконеній, изданныхъ съ Уложенія, и когда Сперанскій горячо принялся за эту работу, Карамзинъ, находившійся уже на смертномъ одрѣ, привѣтствовалъ съ душевною радостью начало великаго труда, который долженъ былъ обезсмертить и Императора Николая и Сперанскаго *).

Но въ чемъ заключались порицанія Карамзинымъ проектовъ новыхъ уставовъ? На сколько эти порицанія дѣйствительно вѣрны или ложны, и могутъ ли они принести какую-либо пользу настоящимъ и будущимъ составителямъ у насъ законовъ? Вотъ тѣ вопросы, которые мы не считаемъ себя въ правѣ обойдти, остановившись на запискѣ „о древней и новой Россіи."

Карамзинъ, сказали мы, былъ не юристъ; но онъ былъ историкъ, и въ этомъ отношеніи его знаніе отечественныхъ законовъ и развитія народной жизни не могло остаться безплоднымъ и въ примѣненіи къ практикѣ. Какъ не юристъ, онъ могъ не знать или по крайней мѣрѣ не сознавать вполнѣ ясно, что есть такія начала, которыя должны лежать въ основѣ юридическихъ убѣжденій всѣхъ народовъ; что эти начала не измѣняются ни временемъ, ни мѣстностью и если установились въ наукѣ и въ практикѣ хотя бы одного народа, то какъ драгоцѣнное наслѣдіе переходятъ и къ другимъ народамъ; что наконецъ они даются не какимъ-либо государемъ, а вырабатываются жизнію и могущественнымъ вліяніемъ духа времени и цивилизаціи вносятся въ уставы даже тѣхъ законодателей, которые менѣе всего о томъ думаютъ. Такъ обогатились наши древніе законы началами, завѣщанными римскимъ правомъ; такъ въ новѣйшее время не скажемъ Сперанскій, а наука внесла въ нашъ Сводъ Законовъ нѣкоторые изъ тѣхъ началъ, благодаря которымъ французское гражданское уложеніе стало во главѣ всѣхъ другихъ гражданскихъ кодексовъ. Если такъ, то порицать ли составителей законовъ, которые переносятъ на свою почву результаты, пріобрѣтенные вѣковыми усп-

---

*) Это было 21-го марта 1826 года. См. Разсказъ К. С. Сербиновича, въ сочиненіи М. П. Погодина: *Н. М. Карамзинъ*, ч. 2, стр. 475—6.

ліями другихъ народовъ и трудами многихъ поколѣній юристовъ? Конечно, при такомъ направленіи законодательной дѣятельности могутъ быть, а иногда и неизбѣжны ошибки; но если начало, усвоенное теоріей и практикой извѣстнаго народа, если учрежденія, ему привитыя, не только не теряютъ силу въ теченіе времени, а напротивъ укореняются, то есть полное основаніе думать, что они не суть порожденіе мечтательнаго умозрѣнія. Однако усвоеніе каждымъ народомъ въ отдѣльности общечеловѣческихъ началъ не мѣшаетъ ему развивать и обновлять свои собственныя юридическія убѣжденія; мы скажемъ даже болѣе: подъ сѣнью ихъ тѣмъ надежнѣе выростаетъ и утверждается національное право, изученіе котораго и составляетъ главную обязанность юристовъ, призванныхъ къ законодательнымъ работамъ въ своемъ отечествѣ. Для Карамзина это различіе юридическихъ началъ — повторяемъ — не было достаточно ясно: онъ порицаетъ наприм. въ своей запискѣ учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта, но не потому, чтобы признавалъ коллегіи болѣе соотвѣтствующими высшему управленію государствомъ, а потому что въ нихъ трудились знаменитые сановники, а въ министерствахъ дѣйствуютъ чиновники маловажные: директоры, экспедиторы, и т. д.; потому что министры стали между Государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ; потому наконецъ, что Государю самодержавному будто бы ненужно мнѣніе никакого гласнаго совѣта; порицаетъ указъ, запрещающій покупать и продавать рекрутовъ и предположеніе о дарованіи свободы помѣщичьимъ крестьянамъ; но при этомъ забываетъ о высокомъ значеніи свободы человѣка, на которое самъ указывалъ прежде, увлекаясь съ одной стороны выгодами, какія доставляетъ помѣщичьимъ имѣніямъ продажа негодныхъ людей въ рекруты для удержанія трудолюбивыхъ и зажиточныхъ крестьянъ, а съ другой хорошимъ положеніемъ нѣкоторыхъ селеній, цвѣтущихъ и подъ управленіемъ помѣщиковъ; порицаетъ положенное въ основу новыхъ учрежденій раздѣленіе разныхъ отраслей управленія и оправдываетъ это порицаніе равною возможностью злоупотреблять властью какъ при соединеніи всѣхъ отраслей въ однихъ ру-

кахъ, такъ и при порученіи каждой изъ нихъ отдѣльному вѣдомству, да примѣромъ древней Россіи, въ которой всѣ власти соединялись въ лицѣ намѣстника. Не указываемъ на такое же противорѣчіе въ возраженіяхъ Карамзина относительно другихъ узаконеній и проектовъ началамъ, уже утвердившимся въ его время въ наукѣ и практикѣ, единственно съ точки зрѣнія неудобства ихъ для отдѣльныхъ лицъ и случаевъ. Тѣхъ, кто этимъ интересуется, просимъ обратиться къ сочиненію барона Корфа: *Жизнь графа Сперанскаго*, гдѣ выяснены частію авторомъ, частію же словами самого Сперанскаго слабыя стороны критики Карамзина, которыхъ мы здѣсь не коснулись, именно въ отношеніи указа объ экзаменахъ для полученія чиновъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника, въ отношеніи преобразованій по части финансовой и въ отношеніи государственнаго хозяйства вообще. Замѣтимъ однако, что время, ясно сознанныя государственныя и народныя потребности и новѣйшія преобразованія оправдали тѣ начала, противъ которыхъ ратовалъ здѣсь Карамзинъ: существованіе министерствъ и государственнаго совѣта не заслонило народа отъ Государя и не лишило сената высокаго его значенія. Положеніями 19-го февраля 1861 года крестьянамъ помѣщичьимъ, а затѣмъ и другихъ вѣдомствъ дарована свобода; положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ всѣ классы народа одинаково призваны къ самостоятельному развитію; наконецъ судебными уставами, приводимыми нынѣ въ дѣйствіе, судъ окончательно отдѣленъ отъ администраціи и при этомъ сенату дана такая власть, которая не будетъ принадлежать никакому другому учрежденію въ государствѣ. Передъ величіемъ и уже оказавшеюся пользою этихъ преобразованій должны умолкнуть всѣ поднятыя противъ нихъ порицанія со стороны отдѣльныхъ лицъ и частныхъ неудобствъ.

Не таковы, напротивъ, сужденія Карамзина какъ историка. Въ эти сужденія онъ внесъ не только пламенное желаніе добра своему отечеству и требованія здравомыслящаго человѣка, но и положительныя данныя, свидѣтельствующія, что осмотрительное и всестороннее обсужденіе проектовъ новыхъ уставовъ не противорѣчитъ значенію и

правамъ верховной власти, и именно у насъ оправдывается примѣромъ лучшихъ нашихъ государей и что при этомъ коренные отечественные законы не могутъ и не должны быть пренебрегаемы въ угоду, не говоримъ скороспѣлымъ теоріямъ, но даже вполнѣ разумнымъ, но національнымъ уставамъ другихъ государствъ. Мысли, высказанныя здѣсь Карамзинымъ, уже получили отчасти осуществленіе; но предложенный имъ точный планъ разработки нашихъ законовъ, составленія имъ свода, а затѣмъ и изданія Уложенія еще далекъ отъ исполненія. Вотъ почему считаемъ долгомъ разсмотрѣть съ особеннымъ вниманіемъ совѣты, завѣщанные намъ въ этомъ отношеніи историкомъ.

Указывая на неожиданное никѣмъ введеніе въ Россіи учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта, Карамзинъ разсуждаетъ такъ: „Спасительными уставами бывають единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло. Учрежденіе министерствъ и совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапности. По крайней мѣрѣ авторы долженствовали изъяснить пользу своихъ новыхъ образованій: читаю и вижу однѣ сухія формы; мнѣ чертятъ линіи для глазъ, оставляя мой умъ въ покоѣ; говорятъ Россіянамъ: „было такъ; отнынѣ будетъ иначе.“ Для чего? не сказываютъ. Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ давалъ отчетъ народу: взгляните на Регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава.“ Итакъ, по мнѣнію Карамзина, законодатель обязанъ въ самихъ потребностяхъ народа усматривать необходимость новаго закона и предварительно введенія его въ дѣйствіе знакомить съ нимъ и объяснять тѣ основанія, по которымъ онъ издается. Въ настоящее время составители законовъ вполнѣ удовлетворяютъ этой здравой мысли. Извѣстно, что со времени начертанія особыми, такъ названными редакціонными, коммиссіями проектовъ положеній объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ которыя приглашались какъ эксперты депутаты

отъ помѣщиковъ разныхъ губерній, вошло въ обычай, для составленія проектовъ сколько-нибудь значительныхъ уставовъ учреждать коммиссіи изъ чиновниковъ подлежащихъ вѣдомствъ съ приглашеніемъ къ участію въ нихъ и другихъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ тою частью, къ которой относится предполагаемый уставъ и даже съ разсылкою проекта, составленнаго коммиссіей, ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которыхъ голосъ можетъ быть признанъ почему-либо полезнымъ. Кромѣ того проекты дополняются объяснительными записками, въ коихъ излагаются какъ поводы къ изданію новаго закона, такъ и соображенія по отдѣльнымъ статьямъ проекта. Особенно обширное примѣненіе получило это правило при составленіи проектовъ судебныхъ уставовъ, вводимыхъ нынѣ въ дѣйствіе.

Преобразованіе министерства внутреннихъ дѣлъ вскорѣ послѣ его учрежденія дало поводъ Карамзину къ слѣдующему замѣчанію: „Благопріятствуетъ ли славѣ мудраго правительства сіе второе преобразованіе. Учредили и послѣ говорятъ: извините, мы ошиблись, сіе относится не къ тому, а къ другому министерству. Надлежало бы обдумать прежде; иначе что будетъ ручательствомъ за твердость и новаго устава.“ Совѣтъ разумный и что̀ въ наше время ему даютъ цѣну, это доказывается внимательнымъ обсужденіемъ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ приготовляемыхъ къ изданію законовъ. Не излишне однако, безъ сомнѣнія, слѣдовать ему и при составленіи всякаго закона.

Разсмотрѣвъ двѣ первыя только-что изданныя передъ тѣмъ части проекта гражданскаго Уложенія, Карамзинъ восклицаетъ: „издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что жь находимъ? Переводъ Наполеонова кодекса! Какое изумленіе для Россіянъ, какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скиптру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Италіянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія какъ сильное государство около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего

полнаго Уложенія, чтобъ торжественно, предъ лицомъ Европы, признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами. Петръ Великій любилъ иностранное, однакожь не велѣлъ бы, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, напр., шведскіе законы и назвать ихъ русскими: ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ." И далѣе: „никто изъ Русскихъ, читая этотъ проектъ, не догадался бы, что онъ читаетъ *наше* гражданское Уложеніе, еслибъ не стояло того въ заглавіи; все не русское, все не по-русски, какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ."

Любопытно оправданіе, представленное, между прочимъ, Сперанскимъ въ письмѣ его Государю изъ Перми, противъ такого обвиненія, ходившаго и помимо Карамзина въ публикѣ. „Искали, говоритъ онъ, доказать, что Уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе; ложь или незнаніе, которое изобличить тоже не трудно: ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т.-е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны, но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ."

Слѣдовательно, Сперанскій самъ сознавался, что при составленіи проекта гражданскаго уложенія онъ не руководствовался русскими законами, да и не считалъ это за нужное, имѣя возможность черпать законы въ ихъ источникѣ, т. е. римскомъ правѣ.

Отвергая съ негодованіемъ такой способъ составленія уложенія, Карамзинъ предлагаетъ свой собственный планъ. По его мнѣнію, для начертанія уложенія необходимо предварительно составить Сводъ русскихъ законовъ по ихъ отдѣламъ и уже отсюда, съ надлежащею осторожностью, извлечь тѣ статьи, которыя должны войдти въ Уложеніе. Приведемъ вполнѣ замѣчательное разсужденіе его объ этомъ предметѣ.

„Для стараго народа, говоритъ онъ, не надобно новыхъ законовъ: согласно съ здравымъ смысломъ требуемъ отъ коммиссіи (составленія законовъ) систематическаго предложенія нашихъ. Русская Правда и Судебникъ, отживъ свой вѣкъ, существуютъ единственно какъ предметъ любопытства. Хотя Уложеніе царя Алексѣя Михайловича имѣетъ еще силу закона, но сколько и въ немъ обветшалаго, уже для насъ безсмысленнаго, непригоднаго? Остаются указы и постановленія: вотъ содержаніе кодекса! должно распорядить матеріалы, отнести уголовное къ уголовному, гражданское къ гражданскому, и сіи двѣ главныя части раздѣлить на статьи. Когда же всякій указъ будетъ подведенъ подъ свою статью, тогда начнется второе дѣйствіе: соединеніе однородныхъ частей въ цѣлое, или соглашеніе указовъ, для коего востребуется иное объяснить, иное отмѣнить или прибавить, буде опыты судилищъ доказываютъ или противорѣчіе или недостатокъ въ существующихъ законахъ. Третье дѣйствіе есть общая критика законовъ: суть ли они лучшіе для насъ по нынѣшнему гражданскому состоянію Россіи? Здѣсь увидимъ необходимость исправить нѣкоторые, въ особенности уголовные, жестокіе, варварскіе; ихъ уже давно не исполняютъ: для чего же они существуютъ къ стыду нашего законодательства.

„Такимъ образомъ собранные, приведенные въ порядокъ, дополненные, исправленные законы предложите въ формѣ книги систематически, съ объясненіемъ причинъ; не только описывайте случаи, но и всѣ другіе возможные рѣшите *общими правилами*, безъ коихъ нѣтъ полныхъ законовъ, и которыя даютъ имъ высочайшую степень совершенства. Сихъ-то правилъ недостаетъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, и во многихъ указахъ говорятъ: „если будетъ такой случай, рѣшите такъ;“ а если встрѣтится другой неописанный законодателемъ? Надобно идти въ докладъ? Не умствуйте высокопарно, но разсуждайте, чтобы просвѣтить судью: лучше, удобнѣе впечатлѣть ему въ память простыя начала, нежели многообразныя слѣдствія оныхъ. Русское право также имѣетъ свои начала, какъ и

римское; опредѣлите ихъ, и вы дадите намъ систему законовъ. Сіе послѣднее дѣйствіе законодательства назову *систематическимъ предложеніемъ.*

„Сей трудъ великъ, заключаетъ Карамзинъ, но онъ такого свойства, что его нельзя поручить многимъ. Одинъ человѣкъ долженъ быть главнымъ, истиннымъ творцомъ уложенія россійскаго; другіе могутъ служить ему только совѣтниками, помощниками, работниками. Здѣсь единство мысли необходимо для совершенства частей и цѣлаго, единство воли необходимо для успѣха. Или мы найдемъ такого человѣка, или долго будемъ ждать кодекса.“

Такого человѣка не нашлось и до сихъ поръ. Карамзинъ предвидѣлъ это и писалъ:

„Есть и другой способъ. Мы говорили доселѣ о систематическомъ законодательствѣ: когда у насъ нѣтъ людей способныхъ для онаго, то умѣрьте свои требованія; и вы сдѣлаете еще немалую пользу Россіи. Вмѣсто прагматическаго кодекса издайте полную сводную книгу россійскихъ законовъ или указовъ по всѣмъ частямъ суднымъ, согласивъ противорѣчія и замѣнивъ лишнее нужнымъ, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложеніе Алексѣя Михайловича, и на Морской Уставъ, и на 20 указовъ, изъ коихъ иные въ самомъ сенатѣ не безъ труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великихъ усилій разума, ни генія, ни отличныхъ знаній ученыхъ: не будемъ хвалиться ею въ Европѣ, но облегчимъ способы правосудія въ Россіи, не затруднимъ судей нашихъ галлицизмомъ и не покажемся жалкими иностранцамъ, что безъ сомнѣнія заслужимъ переводомъ Наполеонова кодекса.“

Этотъ второй планъ конечно удобнѣе и проще даже тѣмъ, что онъ почти нейдетъ далѣе составленія свода. И тутъ однако была необходима мощная рука одного человѣка, который управлялъ бы отдѣльными работами по разнымъ частямъ законодательства и приводилъ ихъ къ единству. Вотъ почему, хотя, по оставленіи безъ послѣдствій проектовъ Сперанскаго, коммиссія составленія законовъ занималась около десяти лѣтъ систематическимъ изданіемъ прежнихъ узаконеній, и нѣсколько книгъ ея трудовъ уже

вышло въ свѣтъ, лишь признаніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ составленія Свода законовъ важнѣйшею задачей для улучшенія ихъ на будущее время и порученіе этого дѣла Сперанскому дали у насъ законодательнымъ работамъ надлежащее направленіе и счастливый исходъ.

Трудясь надъ Сводомъ законовъ, Сперанскій понялъ всю важность историческаго изученія отечественнаго законодательства и своею дѣятельностію въ этотъ періодъ времени достаточно искупилъ презрѣніе къ такому изученію, проглядывающее въ его начальныхъ проектахъ. Передъ нами лежитъ изданное подъ его руководствомъ громадное собраніе законовъ Россійской Имперіи, которое съ тѣхъ поръ служитъ главнымъ основаніемъ для исторической разработки нашего права; съ него начался у насъ обычай прилагать къ проектамъ законовъ объяснительныя записки съ указаніемъ повода къ ихъ изданію, обзоромъ прежнихъ узаконеній и изложеніемъ тѣхъ соображеній, на которыхъ они основаны; наконецъ съ его же времени осталось въ обыкновеніи у редакторовъ Свода законовъ и издаваемыхъ къ нему продолженій подъ измѣненными статьями оставлять ссылки на источники прежнихъ статей единственно съ цѣлію указанія исторіи каждой статьи. Такимъ образомъ и у насъ историческое изученіе права сдѣлалось не только возможнымъ, но отчасти и необходимымъ для составителей проектовъ новыхъ законовъ *).

*) При настоящемъ удобномъ случаѣ не можемъ не коснуться встрѣчающихся иногда въ нашей юридической литературѣ, по поводу проектовъ законовъ, такъ-называемыхъ историческихъ обозрѣній разныхъ частей законодательства. Намъ кажется, напрасно составители по крайней мѣрѣ большей части такихъ обозрѣній полагаютъ, что они исполнили свое дѣло, если представили сшитыя на живую нитку выписки изъ Уложенія Алексѣя Михайловича, новоуказныхъ статей, законовъ Петра I и Екатерины II и узаконеній двухъ послѣднихъ царствованій, считая при этомъ верхомъ учености привести двѣ-три статьи изъ Русской Правды и Судебниковъ. Если въ отношеніи практическомъ представляется необходимость знать прежніе законы какой-либо части Свода, то конечно для того, чтобы это знаніе могло принести пользу при обсужденіи вопроса, какія изъ дѣйствующихъ

Нельзя однако не сознаться, что спѣша исполненіемъ воли Государя, Сперанскій не совсѣмъ точно держался текста законовъ, а съ другой стороны опускалъ изъ виду практическую цѣль Свода. Изъ разсказовъ лицъ, участвовавшихъ въ этой работѣ, мы знаемъ, что обладая огромною начитанностью и памятью, онъ писалъ иногда статьи закона изъ головы и внося ихъ въ сводъ приказывалъ своимъ сотрудникамъ подводить въ цитатахъ узаконенія, соотвѣтствующія содержанію написаннаго имъ текста: это и дѣлалось, но не всегда безъ натяжки; другія же статьи выписывались буквально изъ дѣйствующихъ законовъ, но безъ соображенія ихъ между собою. Вслѣдствіе этого планъ Карамзина — прежде написанія статьи, имѣющей войти въ Сводъ, соглашать могущія быть въ отношеніи къ ней противорѣчія въ другихъ законахъ, опускать излишнее и пополнять новыми законами то что̀ не досказано въ прежнихъ— остался безъ примѣненія. Отсюда несогласіе въ статьяхъ

или же утратившихъ свою силу узаконеній по части законодательства, подлежащей пересмотру, должны быть оставлены безъ измѣненія, или возстановлены въ своей силѣ, или напротивъ отмѣнены; а для этой цѣли слѣдуетъ представить всѣ имѣющіеся на лицо доводы, что такой-то законъ имѣетъ основаніе въ народныхъ убѣжденіяхъ или же имъ не соотвѣтствуетъ; что онъ былъ вызванъ къ жизни тою или другою существенною потребностью, или же изданъ совершенно случайно, а если утратилъ силу, что былъ отвергнутъ вслѣдствіе особой необходимости или же отмѣненъ безъ важной причины; что онъ согласенъ съ духомъ всего нашего законодательства и съ основными законами пересматриваемой части Свода или же противорѣчитъ имъ; что онъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній въ практикѣ, или же въ разное время подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ, и т. п. Всѣ эти доводы должны быть притомъ представлены не только умозрительно, но и извлечены изъ бывшихъ примѣровъ практики, изъ возбужденныхъ ими сужденій въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ, изъ пониманія закона, толкованія его и примѣненія какъ дѣловыми людьми, такъ и простолюдинами, наконецъ изъ результатовъ его въ жизни общественной и частной. Въ такой лишь полнотѣ, думаемъ мы, могутъ быть пригодны записки, заключающія въ себѣ историческія обозрѣнія законовъ, для того назначенія, которое очевидно имѣютъ въ виду ихъ составители.

и неясности, которыя до сихъ поръ составляютъ камень преткновенія для нашихъ теоретиковъ и практиковъ при пользованіи Сводомъ; отсюда же произошло и то, что статьи имѣющія ближайшую связь по содержанію, оказываются иногда отдѣленными одна отъ другой цѣлыми раздѣлами или даже цѣлыми томами. Къ счастію, исправить такіе недостатки Свода всегда возможно и это дѣлается по мѣрѣ того какъ представляются тому случаи, въ порядкѣ законодательномъ.

Кромѣ представленнаго нами взгляда Карамзина на составленіе Свода нашихъ законовъ и Уложенія, Записка его „о древней и новой Россіи“ заключаетъ въ себѣ еще замѣчательное сужденіе по одному юридическому вопросу, на который въ послѣднее время наши публицисты обратили особое вниманіе, именно: о степени потребности единства законовъ для разныхъ частей, составляющихъ государство. Не разбирая это сужденіе, считаемъ себя обязанными привести его здѣсь вполнѣ.

„Государство наше — говоритъ Карамзинъ — состоитъ изъ разныхъ народовъ, имѣющихъ свои особенные гражданскіе уставы, какъ Ливонія, Финляндія, Польша, самая Малороссія. Должно ли необходимо ввести единство законовъ? Должно, если такая перемѣна не будетъ существеннымъ долговременнымъ бѣдствіемъ для сихъ областей; въ противномъ случаѣ не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, безъ насилія и дѣйствуя на мягкій умъ юношества. Пусть молодые люди, хотящіе тамъ посвятить себя законовѣдѣнію, испытываются въ знаніи и общихъ законовъ Россійскихъ, особенно языка нашего: вотъ самое лучшее приготовленіе къ желаемому единству въ гражданскихъ уставахъ! Впрочемъ надобно изслѣдовать основательно, для чего напр. Ливонія или Финляндія имѣютъ такой-то особенный законъ? Причина, родившая оный, существуетъ ли и согласна ли съ государственнымъ благомъ? Буде существуетъ и согласна, то можно ли замѣнить ея дѣйствія инымъ способомъ? Отъ новости не потерпятъ ли нравы, не ослабѣютъ ли связи между разными гражданскими состояніями той земли? „Какая нуж-

да," говоритъ Монтескье, „однимъ ли законамъ слѣдуютъ граждане, если они вѣрно слѣдуютъ онымъ?" Фридрихъ Великій, издавая общее уложеніе, не хотѣлъ уничтожить всѣхъ частныхъ статутовъ, полезныхъ въ особенности для нѣкоторыхъ провинцій. Опасайтесь внушенія умовъ легкихъ, которые думаютъ, что надобно только велѣть и все сравняется?"

Намъ остается разсмотрѣть работы Карамзина по составленію и исправленію проектовъ государственныхъ бумахъ вслѣдствіе Высочайшаго порученія. Къ сожалѣнію, мы знаемъ изъ нихъ очень немногія. Но случайныя указазанія на нихъ въ письмахъ Карамзина къ своимъ близкимъ и отысканіе двухъ проектовъ въ его бумагахъ, даютъ основаніе думать, что при частыхъ сношеніяхъ исторіографа съ Императоромъ Александромъ I, ему могли не рѣдко дѣлаться подобныя порученія. Такъ напримѣръ въ письмѣ отъ 11-го сентября 1818 года къ И. И. Дмитріеву, Карамзинъ сообщаетъ, что Государь отдалъ кн. Голицину одну бумагу, чтобы показать ему, т. е. Карамзину, для перемѣны въ ней нѣкоторыхъ словъ, имъ означенныхъ; а прежде— прибавляетъ Карамзинъ — столь же милостиво велѣлъ мнѣ исправить краткій манифестъ о мирѣ съ Персіей. Что касается самыхъ проектовъ, то первый изъ нихъ по времени есть проектъ рескрипта министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, составленный вѣроятно въ 1818 году *), касательно успѣховъ примирительнаго разбирательства тяжебъ, которое Высочайше поручено было въ сентябрѣ 1817 года, испытать малороссійскому генералъ-губернатору князю Рѣпнину. Изъ этого проекта мы узнаемъ, что Государь близко принималъ къ сердцу введеніе въ Россіи мировыхъ судовъ, предположенія о которыхъ сохранились между прочимъ въ бумагахъ комитета 6-го декабря 1826 года, и что въ теченіе короткаго времени, въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ, черезъ маршаловъ дворянства, разными правительственными мѣстами и лицами прекращено миромъ 574 дѣла, къ общей выгодѣ, какъ говоритъ проектъ, сопер-

---

*) Напечатанъ въ № 12 *Юридической Газеты.*

никовъ, избавленныхъ тѣмъ отъ хлопотъ и разоренія, къ утѣшенію друзей человѣчества и къ искреннѣйшему удовольствію Государя. Посему проектъ предписываетъ министру объявить черезъ Сенатъ во всеобщее свѣдѣніе объ успѣшномъ дѣйствіи такого способа прекращенія тяжебъ и на будущее время требовать къ себѣ изъ всѣхъ губерній полугодовыхъ вѣдомостей о дѣлахъ оконченныхъ примиреніемъ, съ тѣмъ чтобы доводить до свѣдѣнія Государя. Другой проектъ дошелъ до насъ неполный: это проектъ манифеста о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, изъ котораго Карамзинъ, въ запискѣ подъ заглавіемъ „для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства" приводитъ только начало и заключеніе и при этомъ указываетъ на тѣ мѣста своей редакціи, исправленной по приказанію Государя Сперанскимъ, которыя были сохранены въ подлинномъ манифестѣ *).

Къ разряду бумагъ юридическаго содержанія, писанныхъ Карамзинымъ, должно еще отнести нѣсколько прошеній и записокъ, составленныхъ имъ въ пользу лицъ, приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ, впрочемъ не отъ себя, а отъ имени ихъ подателей Государю. Онѣ отличаются ясностію изложенія. Одна изъ такихъ бумагъ, именно прошеніе дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу, послужила основаніемъ къ перенесенію этого дѣла изъ сената въ комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи въ которомъ, оно было рѣшено Государемъ согласно съ желаніемъ просительницы **). Но можно думать, что прошеній этого рода Карамзину пришлось писать довольно много, — по крайней мѣрѣ знавшіе его въ послѣдніе годы его жизни увѣряютъ, что нерѣдко разныя лица обращались къ нему съ просьбами о ходатайствѣ за нихъ передъ Государемъ, и Карамзинъ не отказывался исполнять, по возможности, такія просьбы.

---

*) См. *Неизданныя сочиненія и переписку Н. М. Карамзина*, ч. I, стр. 17—20.

**) См. тамъ же, стр. 230—235 и *Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 262 и 267.

Предложенный мною очеркъ значенія Карамзина въ исторіи Русскаго законодательства даетъ мнѣ смѣлость, по случаю нынѣшняго торжественнаго дня, въ стѣнахъ Университета въ которомъ съ самаго его учрежденія юридическій факультетъ занялъ видное мѣсто, а въ послѣднее время получилъ приращеніе въ лицѣ Юридическаго Общества, выразить желаніе и надежду, чтобы завѣтная мысль исторіографа о разработкѣ нашихъ дѣйствующихъ законовъ, по указанному имъ плану, нашла сочувствіе какъ въ членахъ факультета и Общества, такъ равно и въ воспитанникахъ Университета. Въ виду предстоящей государственной работы *составленія гражданскаго Уложенія*, котораго необходимость не разъ представлялась и государственному совѣту, заявлявшему однако въ то же время, что перемѣны въ отдѣльныхъ статьяхъ Свода гражданскихъ законовъ невозможны безъ полнаго систематическаго пересмотра коренныхъ началъ нашего законодательства, не обязаны ли мы всѣ, на сколько имѣемъ способностей и средствъ, готовиться къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ. Станемъ же изучать и комментировать тѣ отдѣлы гражданскихъ законовъ, которые каждому изъ насъ наиболѣе доступны; будемъ стараться выяснять ихъ примѣненіе въ практикѣ и такимъ образомъ приготовимъ надежный матеріялъ для начертанія *Русскаго гражданскаго Устава* по мысли Карамзина.

Н. Калачовъ.

Изъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій, № *3-й*, *1866 г.*

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

